

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. В. Кондаков

Интеграционный потенциал культурологии как междисциплинарной науки

Обосновывается принципиально новая конфигурация гуманитарного знания, в основании которого лежит представление об универсальности феномена культуры. Культурология интерпретируется как самосознание или саморефлексия культуры.

Ключевые слова: культурология, интеграционный потенциал, тексты культуры, универсальность, культурная семантика, синкретизм.

I. V. Kondakov

Integration Potential of Cultural Science as an Interdisciplinary Science

The work substantiates a radically new configuration of humanities at the base of which the idea of the universality of the phenomenon of culture lies. Cultural Science is interpreted as self-reflection or self-culture.

Key words: Cultural Science, potential for integration, texts of culture, universality, cultural semantics, syncretism.

Джон Дьюи, один из легендарных основоположников американского прагматизма, объясняя своим читателям уникальность этого философского направления, любил говорить, что прагматизм – это общий коридор, куда выходят двери всех остальных разновидностей философии – экзистенциализма и марксизма, неокантианства и неогегельянства, феноменологии и неотомизма, фрейдизма и неопозитивизма, интуитивизма и неореализма. Перефразируя Дьюи, можно сказать, что сегодня подобным коридором, объединяющим различные науки, шире – различные формы знания, является культурология.

В истории человеческой культуры время от времени складываются ситуации, характеризующие отчетливой интеграцией знаний; тогда появляются феномены «науки наук». В Средние века «наукой наук» была признана теология; затем в этом качестве явилась философия (особенно в ее гегелевской интерпретации); с господством позитивизма на эту роль в XIX и XX вв. претендовали естествознание (взятое в целом), социология и политэкономия. В Советском Союзе долгое время в роли «науки наук» выступала идеология марксизма-ленинизма, явившая собой, согласно ленинской концепции «трех источников и трех составных частей марксизма», единство философии, политэкономии и научного коммунизма (социологии и политологии, в определенном идеологическом освещении). На рубеже XX и XXI вв. в подобной роли интегрального знания

оказалась культурология. Однако культурология на сегодняшний день завершает собой не только ряд «сверхнаук» – теологии, философии, естествознания, политэкономии и т. п., но и ряд других обобщенно-семантических «сгустков», сменяющих друг друга в истории культуры (мифология, религия, философия, наука, творчество, политическая идеология...).

Понять интеграционный потенциал культурологии как историческую закономерность – задача настоящей публикации.

Универсальность феномена культуры

Феномен культуры среди иных явлений общественной жизни отличается особой универсальностью. Культура, вырабатываемая сознательно или неосознанно людьми, является – через свои ценности, нормы, значения, формы, традиции, то есть через *культурную семантику* – *посредующим звеном* между человеком и окружающим миром. В этом смысле ни природа, ни политическая история, ни национальная картина мира не могут быть представимы человеком иначе как через культуру. Более того, сегодня можно совершенно определенно говорить о том, что все исторически складывающиеся и изменяющиеся представления человечества о природе, обществе, человеке и его духовном мире суть прежде всего *факты истории культуры* и только в этом качестве (как культурная семантика) могут быть осмыслены и систематизированы в раз-

личных формах знания (в философии, науке, искусстве, религии, обыденной культуре, образовании и воспитании и т. п.). Таким образом, именно культура выступает сегодня основным интегратором не только гуманитарных наук, но и вообще современного знания.

В самом деле, культура объединила в рамках одного, но поистине безграничного и универсального дискурса – ценностно-смыслового мира человека – природу, общество и творческие индивидуальности, представленные в различных аспектах и срезах как разные конфигурации культурных значений и смыслов (свои – для каждой культурно-исторической эпохи и традиции). Что же касается самого объективного мира, воспринимаемого людьми через ту или иную культуру (или субкультуру) – исторически, национально, социально, конфессионально, профессионально или иным образом определенную, – то этот мир предстает как принципиально многомерный и многозначный, преломленный через множество культурных дискурсов, смысловых конструкций, идей и образов, концепций и ассоциаций, а с конца XX в. и посредством различных информационных технологий. Во всем этом проявляется все более отчетливо заявляющий о себе особый методологический *поворот* в познавательной сфере, который можно назвать «культурным», или «культуральным» (*cultural turn*).

Универсальность феномена культуры проявляется и в том, что в качестве компонентов культурной семантики «на равных» выступают далекие и подчас взаимоисключающие явления. Среди них – наука и религия, философия и искусство, здравый смысл и мистика, массовые коммуникации и творческая интуиция и т. д. Явления, относящиеся к разным историческим эпохам, различным этническим или национальным традициям, опирающиеся на отличные друг от друга природные, социально-исторические, хозяйственно-экономические и иные предпосылки, взаимодействуя между собой и проникая друг в друга, выступают как составляющие той или иной культурно-семантической системы, как бы приводятся к «одному знаменателю». Разные сферы культуры объединяются общим культурно-историческим и социокультурным контекстом, близкими идеалами и мировоззренческими установками, органичной преемственностью ментальных структур, лежащих в основании морфологически различных культурных явлений или разворачивающегося диалога культур [1].

Самосознание (или саморефлексия) культуры – это и есть *культурология*, трактуемая в широком смысле. В этом отношении культурологическая мысль, как и сама рефлектируемая ею культура, может обретать самые различные формы, определяемые культурной семантикой, – культурфилософские, научно-аналитические, религиозно-богословские, мифологические, художественно-поэтические, политико-идеологические, казенно-бюрократические, обыденно-профанные, гротескно-иронические и т. п. Соответственно, тексты культурологического содержания могут представлять собой не только учебные трактаты, конкретные эмпирические исследования, но и свободные эссе философско-публицистического или художественно-ассоциативного характера, художественные манифесты, политические доктрины и воззвания, дневники и переписку деятелей культуры, даже сами поэтические произведения... Однако чаще всего эти отдельные аспекты находятся в сложном взаимодействии и активно проникают друг в друга.

В любом случае, все это пестрое «собрание текстов» о судьбах культуры и ее сущности в той или иной мере, независимо от степени научности и аргументированности отдельных текстов, представляет собой факт культурологической мысли как комплексного, многомерного явления, постепенно складывающегося, как мозаика, в истории культуры (особенно впечатляюще и явно – в культурной истории XX – начала XXI века).

Культурная семантика, как и культурологическое знание, взятое в общем виде, в принципе не вполне укладываются в теоретический дискурс, свойственный науке вообще и многим смежным с культурологией гуманитарным наукам, в частности: истории, филологии, семиотике, психологии и социологии. Рефлексия культуры самой культурой, составляющая важную часть культурной семантики, может осуществляться посредством разных составляющих культурного целого. Это означает, что культурная рефлексия культуры может быть не только научной, но и художественно-эстетической, и политико-идеологической, и религиозно-мистической, и даже нарочито профанной, и все эти формы культурной рефлексии, взаимодействуя друг с другом, сочетаются в конкретных текстах культуры в различных комбинациях.

Так, существует поэзия о поэзии и музыке, искусстве и науке; философские романы и пьесы, философская лирика; научная фантастика и бого-

словская интерпретация науки и искусства; религиозная философия, философия искусства и художественное философствование... Все это не что иное, как различные варианты рефлексии культуры культурой, которые могут принимать в интегральном культурном приложении весьма сложные, смешанные и синтетические формы, неразложимые на отдельные дискурсы и аспекты. Чаще всего культурная рефлексия, по сравнению с рефлексией социальной, «аморфна», «эклклетична» и «синкретична», то есть содержит в себе различные компоненты, представляющие разные типы знания или интегральное знание, представляющее собой *новый синкретизм*, на новом уровне исторического развития возрождающее *синкретизм* (уже далеко не первобытный) как предельный способ культурной интеграции [2].

Если исходить из того, что реальность мира в сознании, деятельности и поведении людей постоянно (а особенно на исторически ранних ступенях общественного развития и в переходные периоды) представлена в таких культурных значениях и формах, *верификация* которых теоретически проблематична, а практически часто и невозможна [3], то следует признать, что культурная семантика воспроизводит «в свернутом виде» картину изучения, осмысления и объяснения самой реальности – в той мере, в какой ее анализ вообще возможен через пелену культурных значений и смыслов, за которой она скрыта (каждый раз исторически обусловленно и закономерно). При этом культурная семантика (замещающая или восполняющая реальность социальную, природную или воображаемую) осмысляет последнюю одновременно с разных сторон и в различных аспектах – философском и историческом, социологическом и семиотическом, антропологическом и этнологическом, естественнонаучном и богословском, а в совокупности различных культурных смыслов – в обобщающем, культурологическом.

Представленная в каждом конкретном варианте *картина культуры* (в которую как частный случай включается и «картина природы», поскольку «человек смотрит на природу сквозь призму культуры») [4] является одним из возможных (многочисленных) «срезов» культурного целого, что вполне отвечает многомерной и многозначной природе культуры, имеющей в принципе бесконечное число возможных дискурсов, интерпретаций, оценок, а значит, по своему правомерных дефиниций и описаний. Далее, картина культуры в каждом конкретном

случае – это произведение субъекта культуры – индивидуального или коллективного (наблюдателя, участника, творца, исследователя и т. п.), произведение, характеризующееся явной или имплицитной *точкой зрения*, мировоззренческой и смысловой *позицией*, определенным *культурным языком*, которые диктуются субъекту его исторической эпохой. В конечном счете, вопрос о зависимости культуры от социума или социума от культуры – это вопрос выбора соответствующего *языка описания*, поскольку смысловая цепочка «социум – культура – социум...» и т. д. может быть «разорвана» в любом звене, соответственно, интерпретация отношения *социум / культура* изменится в ту или иную сторону.

Так, основоположник социологии культуры П. Сорокин, настаивая на том, что «социокультурная система» должна рассматриваться наукой (в данном случае социологией) как *целое*, подчеркивал, что «общество» не может быть более широким термином, чем «культура», как не могут эти два явления рассматриваться вне связи друг с другом. Единственно возможное различие связано с тем, что термин «социальный» означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как «культурный» означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)» [5]. Таким же образом выглядит соотношение понятий «социум» и «культура», «социальный» и «культурный» с точки зрения культурологии. Подобный целостный взгляд на общество – в единстве его социальных и культурных аспектов – предполагает социокультурную интегральность, носителем которой по-разному предстают социология и культурология, психология и философия. Нас здесь интересует интеграционный потенциал культурологии, выделяющий эту науку и в том ряду, который был здесь назван.

Принципиально новая конфигурация гуманитарного знания

Проблематичность культурологии как особой научной и учебной дисциплины в контексте истории культуры связана с несколькими особенностями, выделяющими ее среди других наук, не только естественно-технических, но и гуманитарных. Во-первых, это *объективная безграничность* и в известном смысле *неопределенность* предметной области культурологии, каковой является *вся культура*, включая ее саморефлексию (культурологическое знание), ничем не отграниченную от своего предмета и как бы «растворен-

ную» в нем. Речь здесь идет не только о том, что культурология рассматривает различные этнические и национальные культуры (в том числе живые и мертвые), их взаимоотношения и мировую культуру в целом (различные аспекты «глобализации»); не только о том, что культура условно дифференцируется на «духовную» и «материальную», «художественную» и, например, «политическую» (или «философскую», «нравственную», «научно-познавательную»); не только о том, что культуру можно осмыслять *диахронически* (то есть в историческом плане) и *синхронически* (то есть либо в контексте той или иной современности), либо *ахронически* (в контексте вневременном, метаисторическом – вечности). Все перечисленное – лишь *первая степень многомерности культуры*, выражаемой культурологией как наукой.

В рамках единого предмета культурологии оказываются мифология и повседневность, религия и наука, искусство и быт, философия и «здоровый смысл», экономика и эзотерика, – причем нередко не только взаимодействующие между собой в едином смысловом контексте, но и одновременно влияющие на одного и того же субъекта культуры. Этот *полиморфизм* культуры составляет *вторую степень культурной многомерности*, принципиальную для самосознания культурологии как науки и, по мере накопления синтетических, интегративных тенденций в культуре, его значение для осмысления культуры как целого и для становления культурологии последовательно возрастает. Так, сложившиеся в XIX веке позитивистские схемы дифференциации и классификации научных знаний и соответствующих наук к концу XX века совсем не работают. На их месте возникают новые процессы и системы, адекватные самому полиморфизму культуры. Самосознание культуры отныне идет одновременно «по схемам многих знаний» [6], что накладывает свой отпечаток и на культурную семантику текстов вообще, и на культурологию как науку, и на ее различные вузовские и школьные приложения.

Культурология в конце XX – начале XXI в. объективно отражает и выражает усиливающийся плюрализм и синкретизм современной культуры во всем мире, проявляющийся, в частности, не только в интенсивной *информатизации* знания, но и в неклассической интеграции научных знаний вне привычных схем институализированной и организованной обществом научной и околонаучной *междисциплинарности*. Более того, к

концу XX – началу XXI в. интеграция научных знаний о культуре и соответствующих наук о культуре складывается нередко по схемам *внеаучным* (или, если угодно, *инонаучным*) – обыденного знания, мифологии, искусства, политики, религии, морали, массовой медиакультуры, а также в виде сложного взаимодействия научного и внеаучного знания. В конечном счете все подобные дискурсы вписываются в модели *постнеклассического знания*, принципиально ориентированные не только на объект, но и на субъекта познания; далее, – не только познания, но и переживания, и оценки.

Наряду с методами и принципами различных гуманитарных наук в методологии (и методике преподавания) культурологии аккумулируются модели и принципы, методы и стили, концепты и символы иных феноменов культуры, смежных с науками или даже далеких от науки и научности (теология, теософия, мистика, антропософия, эзотерика). Это уже *третья степень культурной многомерности*, лежащей в основании современной культурологии, представляющей не столько как науку, но и как инонаучное или даже внеаучное, принципиально полиморфное, многомерное знание.

К этому следует добавить (во-вторых) еще и *субъективную многозначность* различных компонентов предметного поля культурологии (для разных субъектов современной культуры эзотерическое знание, религия, наука, техника, искусство, политическая идеология, обыденное сознание представляют ценности разных рядов и различных иерархических уровней культурной семантики). Кроме того, все эти компоненты предметного поля культурологии могут быть различным образом интерпретированы – с разных точек зрения, в разнообразном смысловом контексте. Все это значительно осложняет *верификацию* культурологического знания, которое поневоле предстает мозаичным и многомерным, принципиально не унифицируемым в единую мировоззренческую и эпистемологическую систему [7]. Так, химия и алхимия, астрономия и астрология, мифология и компьютерные технологии, фрейдизм и марксизм в равной мере являются феноменами культуры, нередко не только сосуществующими в одном времени, но и совмещенными в одном и том же культурном тексте или явлении (подчас несмотря на всю свою смысловую несовместимость между собой).

Кроме того, сказывается сама природа культурологической междисциплинарности (а точнее

– сверхдисциплинарности): предметное поле культурологии сегодня может быть в равной степени, с равным правом и успехом «приватизировано» историей, философией, социологией, психологией, этнологией, политологией, антропологией, этнографией, искусствознанием, литературоведением, религиоведением, языкознанием, семиотикой и т. п., – причем в каждом конкретном случае предметные отличия всех перечисленных и иных гуманитарных дисциплин окажутся минимальными, практически неразличимыми. Картина междисциплинарных связей становится чрезвычайно текучей, неуловимо изменчивой, релятивной; границы между научными дисциплинами оказываются размытыми, зыбкими, легко переступаемыми исследователями и творцами культуры, даже рядовыми реципиентами – в любом направлении и в любом аспекте; является полем творческого самовыражения, свободной импровизации или игры воображения, познавательных и нравственно-эстетических парадоксов.

Все гуманитарные научные дисциплины занимаются анализом, интерпретацией, систематизацией, оценкой (и другими операциями подобного рода) различных *текстов культуры*, в том числе исторических источников, мемуаров, эпистолярных, философских и религиозных сочинений, литературно-художественных произведений, публицистики, статистических данных, научных гипотез и теорий, политических доктрин, пропагандистских и агитационных материалов и т. д. Кроме того, культурными текстами являются и невербальные тексты – карты и планы, произведения изобразительного, музыкального, театрального и киноискусства, церковная литургия и ритуал, жесты и мимика людей, структура бытового или ритуального поведения; как тексты культуры могут быть представлены город или атрибуты любого поселения, социокультурные проекты и решения, бизнес-планы и стратегические разработки, Интернет; сама история – социально-политическая и культурная, интеллектуальная и повседневная, а также ее различные нарративы и метанарративы, аналитические разборы профессионалами и дилетантами также могут быть представлены как тексты особого рода, обладающие специфической культурной семантикой.

Оперируя разными методами и познавательными технологиями, все названные типы культурных текстов могут быть по-разному освоены и истолкованы. Научные дисциплины и смежные

с ними области знания (например, обыденное знание или искусство, религия) различаются более своей методологией, то есть целями и задачами, средствами и подходами, – нежели предметом изучения и осмысления. Другое дело, что разными науками и не-науками, более того, – разными субъектами познания – подчас из одних и тех же текстов – извлекаются разные смыслы: политические и художественные, сакральные и секулярные, познавательные и развлекательные, личностные и коллективные, современные и исторически удаленные, – смыслы, которые затем систематизируются, анализируются, интерпретируются и оцениваются в том или ином аспекте, специфическом для данной дисциплинарной (или междисциплинарной) области знания или обыгрываются в том или ином ценностно-смысловом контексте.

В этом (методологическом и методическом) отношении культурология (как наука, специализирующаяся на изучении культурных текстов и их семантики) оказывается столь же «беспринципно» широкой, как и ее предметная область, как и ее самоценный субъект – «человек культуры»: она не только не исключает из своего поля зрения никакие возможные тексты (ибо все мыслимые тексты – это феномены культуры, а все культурные артефакты – реальные или потенциальные тексты), но и не отвергает никаких возможных подходов к ним (поскольку и социально-политические, и художественно-эстетические, и научно-познавательные смыслы не лежат вне интересов культурологии как универсального знания о культуре в целом).

Знание, которым оперирует культурология и к выработке которого она стремится, является столь же всеобщим, как знание, например, философское или религиозное, однако аспект обобщений, значимый для культурологии, оказывается еще более всеобщим и неопределенным, нежели философский или религиозный, так как все знание, находящееся *вне* философии (например, обыденное знание, повседневность, «здоровый смысл» и т. п.) или *вне* религии (еретические учения, секты, иноконфессиональные учения, атеизм, смеховые «кошунства», позитивные науки, внерелигиозное мышление, эзотерика и пр.), может быть включено без каких-либо ограничений в предметное поле культурологии и реально включается в него.

По существу, нет таких предметов или областей знаний, которые, будучи сами феноменами культуры, не входили бы в сферу культурологии

(включая саму культурологию как саморефлексию культуры). Культурологическая рефлексия включает в себя любые другие рефлексии культуры, в том числе принципиально несовместимые между собой. В этом смысле феномен культурологии как новейшего синкрезиса последней трети XX – начала XXI в. есть, несомненно, порождение эпохи постмодерна (отсюда ее «всеядность» и внутренняя противоречивость, полиморфизм и мозаичность, разноосновность многообразия и релятивизм).

Есть только одно принципиальное отличие культурологии от других гуманитарных дисциплин, «работающих» с текстами: культурология «занята» не только *текстами культуры* (и даже не столько текстами), но и *контекстами, и подтекстами*. Более того, можно, пожалуй, заявить, что культурология – это наука, изучающая именно *контексты культуры* и те *смыслы*, которые обретают различные тексты, будучи включенными в тот или иной ценностно-смысловой контекст. Восстанавливая или реконструируя множественную *контекстуальность* тех или иных текстов, культурология выступает в функции универсального посредника в организуемом ею диалоге культур, межкультурных коммуникаций. Далее, можно сказать, что на протяжении истории XX века все гуманитарные дисциплины (история, филология, философия, социология, психология и т. п.) вольно или невольно проникаются «культурологичностью» и включают в свое смысловое пространство, наряду с культурными текстами того или иного рода, и различные контексты, в которые оказываются включены, на том или ином логическом основании или историческом этапе познавательных процедур, эти тексты и их сочетания, взаимодействия, синтетические образования.

Культурология рассматривает литературу и религию, философию и быт, искусство и массовую психологию, политику и подсознание индивида, историю и социум, включая культуру в целом, *в контексте культуры*, то есть не просто как конгломерат текстов разного типа и уровня, а как встречу и взаимодействие текстов, как их общение между собой, как их незавершенный (и незавершимый в принципе) *диалог*. Сам по себе этот контекст может быть также весьма многообразным: он может быть мононациональным или космополитическим, современным и исторически удаленным, историческим или внеисторическим (метаисторическим), узко-социальным или собственно культурным, идеологическим и

внеидеологичным, этическим и эстетическим, общественным и личностным. Все это многообразие контекстов и ракурсов, контекстных «срезов» культуры и дискурсов придает прочтению текстов, включаемых – объективно или произвольно – в те или иные содержательные контексты, исключительную гетерогенность и многозначность, как для потенциальных адресатов, интерпретаторов, так и для самих авторов, создателей и производителей этих текстов.

По существу, культурологический подход придает любому гуманитарному знанию – социологическому, лингвистическому, литературоведческому, искусствоведческому, философскому, историческому и любому иному – новое измерение, новую глубину и динамизм. Представленный в том или ином контексте, текст тем самым берется в его изменении, движении, развитии; в каждый момент своего существования он не равен себе и выходит за собственные пределы; его культурная семантика постоянно видоизменяется и трансформируется, содержательно усложняясь и возрастая, благодаря интертекстуальности культурологического подхода, – практически безгранично.

Кстати, подобные метаморфозы происходят и с негуманитарным знанием, например, с естественным. Теория Ломоносова – Лавуазье с точки зрения физики (и химии) обладает одним и тем же естественно-научным смыслом; а с точки зрения культурологии – двумя разными смыслами, поскольку концепция Ломоносова складывалась в контексте истории русской культуры, а Лавуазье – в контексте истории французской культуры, а значит, они формировались под влиянием различных культурно-исторических факторов и в контексте различных менталитетов. Точно так же космогоническая гипотеза Канта – Лапласа с точки зрения астрономии является единой гипотезой двух авторов, а в свете культурологии – двумя разными гипотезами, родившимися в лоне соответственно немецкой и французской культур [8].

Усложнение конфигурации гуманитарного знания (в том числе в плане культурной семантики) способствует преодолению схематизма, дисциплинарной замкнутости и рефлексивной однозначности, что достигается выходом исследователей в область принципиальной методологической надрефлексивности, «снимающей» все возможные рефлексивные ограничения идеологического или методического порядка, неизбежные в рамках узкой дисциплинарности [9]. По

сравнению со многими смежными гуманитарными дисциплинами, более частными по своему предмету, нежели наука о культуре (филология, искусствоведение, психология творчества и т. д.), культурология принципиально меж- и полидисциплинарна, плюралистична и последовательно опирается на *схемы многих знаний* (включая совсем недавние), что требует от субъекта культуры исключительной мобильности и свободы, исключительной широты и «всеядности». В этом отношении культурология как наука, несомненно, является продуктом постмодернизма, со всеми вытекающими отсюда смысловыми последствиями.

Я припоминаю, как в беседе со мной несколько лет назад выдающийся культуролог Г. Д. Гачев, впоследствии трагически погибший, признался: «Еще в 60-е годы мы с Михаилом Михайловичем Бахтиным занимались тем, что тогда еще не имело названия, – *культурологией* и *постмодернизмом*». При этом Г. Д. Гачев имел в виду не только самого себя, но и, скажем, В. Н. Турбина, духовно также органически связанного с Бахтиным.

Образование культурологии как гуманитарной дисциплины нового типа говорит о путях преодоления назревшего кризиса гуманитарной методологии, а вместе с тем и самого принципа методологического монизма, к началу XXI века окончательно исчерпавшего себя как парадигма традиционного гуманитарного знания.

Примечания

1. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991 (С. 95 и далее). Он же. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991 (С. 291–300 и др.).
2. См. подробнее: Кондаков И. В. Новый синкретизм на рубеже XXI века // Теория художественной культуры. М., 2000. Вып. 4. С. 77–80 и др.
3. Руднев В. Морфология реальности: Исследования по «философии текста». М., 1996; Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М., 2000.
4. Палий В. Ф., Щербина В. Ф. Диалектика духовно-практического освоения природы: Методологические аспекты. Л., 1980. С. 20. См. также с. 17–18; 21–25 и далее.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 220.
6. См., например: Щедровицкий Г. П. Избр. труды. М., 1995 (Статья «Синтез знаний: проблемы и методы»). С. 662.
7. См. подробнее в моей статье: Кондаков И. В. Верификация // Культурология: Энциклопедия: в 2 т. Т. I: А – М. М., 2007. С. 340–343.
8. На это обратил внимание Г. Д. Гачев в своих известных книгах «удивлений». См., например: Гачев Г. Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. Ростов н/Д., 1991; Он же. Гуманитарный комментарий к физике и химии. Диалог между науками о природе и о человеке. М., 2003 и др.
9. О соотношении надрефлексивного и рефлексивного в культуре см.: Кондаков И. В. «Нешадная последовательность русского ума» (К ментальным основаниям российской цивилизации) // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. – М.: Наука, 2007. – С. 238–310.